

УДК 130.123.4

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ФУТУРОЛОГИИ: ОПЫТ, МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И РИТОРИКА

Н.Б. Афанасов

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.045

Статья предлагает обратиться к методологическим основаниям социально-философской футурологии в критическом ключе. Автор указывает, что способы философского мышления о будущем не только распространились в современной культуре, но и колонизировали социальную и культурную теорию. Одержимость футурологией стала ответом на нарастание скорости изменений в обществе и фрагментацию больших нарративов. Социально-философская футурология заняла место философии истории и составила конкуренцию утопическому измерению классических идеологий. В конечном итоге апелляция к будущему становится де факто составной частью любого осмысленного рассуждения о настоящем, всегда подразумеваемым продолжением анализа научных данных. Автор предлагает очертить методологические границы дисциплины, которые бы разграничили её с другими научными и культурными предметностями, тенденция к растворению в которых стала проблемой не только для философии, но и для самих частных наук (экономики, социологии и т. д.). Статья показывает, что в основе строгой социально-философской футурологии должны лежать уникальные методы, порождённые философской традицией: логический анализ, мысленный эксперимент, перформативная критика риторики, а также оценка этического измерения происходящего. Главными опасностями для дисциплины становятся, с одной стороны, соблазны вольного обращения с эмпирическими данными, а с другой стороны, производство фантастических нарративов. Автор уточняет способы функционирования социально-философской футурологии в контексте современной культурной логики капитализма и указывает на наиболее продуктивную для дисциплины стратегию работы с будущим. Ей становится социально-философский анализ логики существующей капиталистической системы.

Ключевые слова: социальная философия, практическая философия, прикладная философия, социально-философская футурология, будущее, утопия, апокалиптика, капитализм.

Введение

В основе социально-философской футурологии лежит парадокс. Строго говоря, эта дисциплина представляет собой фантастический нарратив [18, р. 4] и набор противоречивых тезисов, но одновременно с

этим социальная мысль не может избавиться от проективного измерения в анализе. В основе подхода лежит убеждение, что методы социологии, социальной теории, экономики и социальной философии [10, с. 334] могут быть применимы не только для исследования прошлого и настоящего, но и для убедительного предсказания будущего. Практическо-философская значимость [27, р. 53–55] социально-философской футурологии будет состоять в том, чтобы подготовить мысль и людей, к тому, что только произойдёт. Речь, конечно же, идёт о феноменах экзистенциального порядка, которые возникнут в результате объективных изменений в общественной жизни. Эти амбиции часто вызывают усмешку у скептиков, полагающих, что «будущее» никому не может быть известно.

Но «будущее» как модальность давно присутствует в большинстве научных и общественных прогнозов в качестве одной из темпоральностей [7, с. 98]. С той или иной степенью уверенности – варьируется только количество и изобретательность оговорок, снимающих ответственность за неудачу прогноза с исследователя: учёные оправдывают результаты и ценность своих достижений посредством апелляции к перспективам. Мы не оспариваем того факта, что наука и знание самоценны [13, с. 118], но в рамках реальной социальной практики науки последняя вынуждена постоянно себя легитимировать. Финансовая ёмкость современных исследований предполагает, что не только философы и деятели культуры обязаны ценить культурную значимость научного познания, но также государственные чиновники и частные капиталовладельцы должны понимать, что и зачем они финансируют. Как правило, выигрышной стратегией становится указать на то, что научное открытие позволит *в будущем* сделать что-то, что окажется полезным для всех.

Социально-философская футурология воспроизводит эту стратегию, рассказывая заказчику (обществу и государству) о том, к каким изменениям нужно готовиться уже сейчас. В таком виде она растворяется в конкретных дисциплинах, или «философиях родительного падежа». Последние «... суть такие философские регионы, предметности которых не заданы самой философией, но даны ей извне» [17, с. 54]. Но тогда мы должны были бы сказать, что социально-философской футурологии просто не может существовать, а само понятие является неудачным зонтичным термином для составных частей других философий и методологии частных дисциплин. Понятие отражало бы свободную модальность мышления в социальных науках. Мы полагаем, что несмотря на то что собственной предметности она не имеет, социально-философская футурология обладает своим уникальным набором методов. Для того чтобы избежать ошибок в понимании феномена, прежде всего необходимо обозначить его методологические границы.

В статье мы предпримем попытку указать на специфический характер методологии, которую предлагает философская мысль для ис-

следований будущего. Для того чтобы осуществить задуманное, нам потребуется взглянуть на наиболее сомнительные с точки зрения классических дисциплин (прежде всего, социологии и экономики) области, где прогнозирование представляется уместным: апокалиптику и (анти)утопические образы будущего. Мы также рассмотрим, чем метод социально-философской футурологии отличается от приёмов социально-экономических дисциплин. В завершении мы представим своё видение того, как и для чего может быть использована социально-философская футурология, а также опишем некоторые наиболее удачные конкретные методологические приёмы внутри дисциплины.

Конец света и (анти)утопия

Когда кто-то предсказывает конец света, умудрённый опытом жизни в потоке современной культуры, сильно уставший человек скорее всего только ухмыльнётся [6, с. 73]. Как правило, апокалиптические предсказания остаются без должного внимания со стороны общества (если бы люди им верили, то мы наблюдали бы другую картину за окном). Мы давно перестали воспринимать их серьёзно. Единственный вопрос, который может заинтересовать современного человека: «Что придумали эти умники на этот раз?» Интерес будет представлять именно аргументация того, почему конец света непременно произойдёт. В реальной жизни найдутся десятки и сотни контраргументов, которые смогут уберечь психическое здоровье и позволить продолжить спокойную жизнь: конец света невыгодно предсказывать, если вы не можете убедить общество в реальности своих прогнозов. Однако это является последним оружием любой стратегии легитимации, практический смысл которой можно сформулировать так: «Если меры не будут приняты, то не будет вообще ничего».

Философы любят объявлять «конец» чего-то. Исчезнуть может культура, литература, справедливость, история, современность, наконец, сама философия (см.: [11]). Эти риторические ходы призваны акцентировать внимание на том, что знакомые нам слова утратили своё привычное значение, феномены качественно изменились. Социально-философские футурологи также любят апеллировать к бесконечному концу или катастрофизму. Частные предсказания бедствий могут быть убедительными, но этого недостаточно чтобы привести человека в действие [1, с. 52]. Апелляция к «концу света» может быть понята как аргументационная или риторическая стратегия, потенциально усиливающая убедительность речи, но можно попытаться рассмотреть её и как мысленный эксперимент, позволяющий представить себе долгосрочные последствия действий в определённой логике. С логической точки зрения катастрофизм – это всегда гипотеза, поскольку его переживание никогда не дано нам в опыте.

Понятия катастрофизма и апокалиптизма необходимо разграничивать: «Катастрофа – это всегда что-то локальное, но в то же время глобальное. Катастрофы происходят постоянно: люди и другие существа попадают в критические ситуации, но при этом жизнь продолжается. На самом деле и за воображаемым апокалипсисом стоит какая-то реальная катастрофа» [3]. То есть катастрофа – это оценка реально наблюдаемой ситуации, а воображаемый апокалипсис – это мысленный эксперимент, согласно которому оценочно понята логика катастрофы будет иметь глобальные последствия. Ровно таким же образом действуют те, кто работает в парадигме имеющих в своём арсенале количественные методы наук. Они вычлняют релевантные тенденции, чья динамика может быть представлена с опорой на эмпирические исследования, а позже, предполагая, что именно они окажутся основой доминирующего вектора эволюции системы, делают осторожные выводы. Интуитивно мы всегда понимаем, что история будущего – это не только археология политик возможного, поэтому можем позволить себе это игнорировать.

Рассмотрим стратегию легитимации катастрофизма в мышлении французского философа Жан-Пьера Дюпюи с позиции социально-философской футурологии. Мыслитель главным образом работает над доказательством того, что сплав технического прогресса и экономической логики капитала неминуемо ведет к катастрофе [5, с. 193]. В его трудах мы не находим эксплицированного высказывания о принципах того, что какие-либо конкретные меры должны быть приняты, но мы можем проанализировать практику мышления и риторическую стратегию самого автора. В первую очередь обращает на себя внимание специфически-философский метод аргументации грядущего апокалипсиса. Для французского исследователя он является логической необходимостью [6, с. 134], проистекающей из природы существующих общественных отношений: конкурентная природа людей, порождённая миметическим желанием (Р. Жирар) приобретения, порождает бесконечные потребности, в то время как физическая реальность их удовлетворения является ограниченной. Логический аргумент требует логического опровержения, в чём проявляется специфический философский метод социально-философской футурологии.

Кратко опишем риторическую стратегию Ж.-П. Дюпюи. Отталкиваясь от фундаментальных философских концептов и их логических следствий, он выстраивает активную деятельность вокруг необходимости принятия мер. Его успех в рамках продвижения того, что в новой оптике может быть названо «экологическим мышлением», очевиден: французу удалось при помощи философии убедить многих видных инженеров, программистов и физиков из технического истеблишмента [4, с. 5–6] в реальности грядущей катастрофы. В сущности, анализ экологического дискурса показал бы нам, что строго научные теории вызывают замешательство у публики и принимающих решения: несколько

десятилетий дискуссии о климате не позволили договориться, происходит ли глобальное потепление или глобальное похолодание. В конечном итоге было принято решение остановиться на нейтральной формулировке «изменение климата».

Выше была обрисована одна из некоторых особенностей социально-философской футурологии, а именно дан пример её уникальной методологии. Философские корни дисциплины позволяют надеяться, что она будет столь же самокритична и взыскательна к себе, как это принято для других философских практик. В таком случае нельзя обойти стороной утопический извод социально-философского мышления. Если Ж.-П. Дюпюи и многие другие современные философы предостерегают от катастрофизма будущего, то утопия также была порождением философии. Утопическое движение было разнонаправленно. Вне зависимости от того «... идем ли мы от утопии к науке, как Энгельс, от науки к утопии, подобно Эрнсту Блоху, эти маршруты, равно как их исходные конечные пункты, совпадают» [8, с. 91].

Утопическое мышление в области социального проектирования следует реабилитировать как данность. Желание продолжать философию в качестве анагажированного проекта не представляется соответствующим реалиям сегодняшнего дня, поскольку во второй половине XX в. в связи с политическими и экономическими неудачами социалистического проекта утопическое мышление было поставлено под сомнение [20, р. 57]. «Большая» утопия как политический, социальный и экономический проект перестройки всего общества стала маргинальным занятием и одновременно задачей (левой) философии. Внимания заслуживает подход социолога Эрика Олина Райта, который «... запустил “Проект реальных утопий” – масштабное предприятие социальной инженерии будущего и формализованной нормативной экономики» [12, с. 30]. Следует помнить, что смысл утопии не в том, чтобы выстроить нечто невозможное, но в том, чтобы сделать мир более приемлемым местом для жизни.

Последнее замечание часто ускользает из вида, когда критикуют исторические утопические проекты. Мы оставим в стороне вопрос, насколько эта критика, да и сами проекты, были приемлемыми и логически обоснованными, но их стремление на языке современной социальной философии может быть сформулировано крайне приземленно: это всегда высказывание в модусе *желаемого* будущего. Валюативные высказывания составляют суть социальной философии [10, с. 156], в противном случае она была бы теоретическим приложением к социологии. Именно они формируют её достоинство знания [14, с. 20–22], а также наделяют силой в аргументации по реально волнующим общество вопросам: не все учёные разбираются в философской методологии исследования, но каждый в силу своей способности суждения может сделать выбор между худшим и лучшим. В том случае, когда экономист или социолог даёт

оценку обнаруженным им тенденциям, он руководствуется представлением о благе, которое сформировано его принадлежностью к культуре и незримо присутствующей в ней философской традицией. Его высказывание – это конструирование будущего из настоящего посредством рекомендации, то есть перформативное воплощение социально-философской футурологии на языке конкретных дисциплин.

«Конец света» и «утопия» как крайние примеры позиций взгляда из будущего в настоящее являются риторическими пределами социально-философской футурологии. Работа с ними необходимо философская, поскольку речь идёт о формировании и воплощении ценностей. Рациональная дискуссия об этих понятиях возможна только в случае опоры на логическую аргументацию, но не на данные конкретных наук: сам по себе перформатизм науки подразумевает нередуцируемые философские основания, говорящие о ценности [29, р. 536]. Предметность этих радикальных гипотез всегда сомнительна. Говоря проще, крайние формы мышления о будущем могут существовать только при участии философии. Для критического анализа социально-философской футурологии это означает то, что в качестве радикального способа мышления она представляется вполне легитимным инструментом, к которому время от времени вынуждены прибегать все, кто думают о грядущем в категории ценности.

Конец воображения как данность социального конструктивизма

Выше мы обратились к потенциальным результатам процесса мышления в парадигме социально-философской футурологии. Апокалиптические предчувствия и прогнозы или образы утопического благополучия – это содержательные нарративы, которые принадлежат к области мысленного эксперимента. Само их конструирование и использование представляет собой опыт социально-философского мышления. Мы также можем сформулировать это в виде контекстуальной дефиниции: ценностно понимаемые результаты, как завершение конструктивистского процесса, это крайние полюса мышления о будущем с позиции философии. В основе их разработки лежит не откровение, но метод, который для легитимации дискурса должен иметь чётко выверенную структуру. Проблема в том, что такие большие нарративы социального благополучия утратили свою актуальность к началу XXI в.: они остались одним из величайших достижений Модерна [22, р. 119].

В рамках экономическо-культурной парадигмы постмодернизма, влияние которого на современные практики социально-философского мышления не следует преуменьшать [9, с. 14], была выдвинута гипотеза, согласно которой «будущее» перестало существовать в привычном смысле. Рассмотрим эту гипотезу американского теоретика-марксиста Фредрика Джеймисона подробнее. В данном контексте мы говорим не об «ощущении конца» [11, с. 337], которое окрасило культуру и соци-

альную мысль, начиная со второй половины XX в. Большую важность имеет культурный нарратив о будущем, в формировании которого принимает участие главным образом не философия, но научная фантастика и капиталистическая образность: будущее должно являться таковым для всех, а не только для интеллектуалов в их кабинетах. Наконец, оно должно быть понятным широкой аудитории.

Во введении мы писали о смысле риторических стратегий обращения к будущему в рамках социально-философской футурологии. Эту мысль можно дополнить и придать ей более конкретные очертания. В обществе массовой и популярной культуры конечным заказчиком, который опосредованно будет влиять на все принимаемые правительствами решения в области проектирования настоящего с целью изменения будущего, становится общество или масса. Последней владеют поверхностные и виртуальные образы [23, р. 9], но не сложные нарративы. Оценка того, насколько хорошая и красочная «упаковка» может служить дополнением и обрамлением идеи, может быть дискуссионной. Мы полагаем, что это полемическое замечание в данном контексте не имеет силы. Для того чтобы (коллективное) действие было совершено, актантам нужна уверенность в основаниях действий, тогда как настоящее философское мышление, как правило, предполагает и даже настаивает на необходимости критической рефлексии.

Такие образы в изобилии предоставляла научная фантастика, нереальным элементом которой всегда были лишь контексты, но не социальная проблематика. Впрочем, даже «фантастическое» обрамление событий, для того чтобы произведение состоялось, должно быть когерентным и следовать когнитивной логике [31, р. 372–373]. Изобилие и скорость (ре)продукции фантастических изображений внесли свои коррективы: «...рассматривая вопрос о научной фантастике в контексте проблемы утраты исторического мышления, Фредрик Джеймисон, в начале 1990-х отмечал, что будущее больше не проживается нами как будущее, но скорее понимается как присутствующее в настоящем, присвоенное и понятное, каким бы ужасным оно ни было. Иными словами, самые нереальные темы и проблемы, раз они были озвучены и репрезентированы, встраиваются в нашу повседневную жизнь и представления о ней» [9, с. 337].

Размышление Джеймисона имеет ключевое значение для современной социально-философской футурологии. В сравнении с 1990-ми гг. контексты воспроизводства образов не претерпели качественного изменения, но лишь получили ещё большую интенсификацию и адресность в рамках персонализированных стратегий медиапотребления. Соответственно, имеет смысл утверждать, что риторическая стратегия социально-философской футурологии должна была бы претерпеть изменения либо превратиться в один из регионов производства образов для цифровой культуры. Последнюю возможность нужно понимать не как

логическую дизъюнкцию, но как модальность: любой тезис социально-философской футурологии становится образом, но не каждый из них исчерпывается и погибает в форме существования преходящего продукта потребления массовой культуры.

По всей видимости, иммунитет современного общества перед угрозами обусловлен именно этим упразднением серьёзности высказывания в его образной природе при обращении к широкой публике. Премедиа́ция аффекта, которой вынуждено сопровождается целенаправленное политическое действие, подразумевает сознательную подготовку людей к тому, что нечто вообще изменится [19, р. 51–54]. Премедиа́ция задаётся теми, кто не полностью (это ещё один дискуссионный вопрос) погружён в поток потребления, но чья производительная стратегия может иметь целью общественный интерес. Социально-философская футурология не только как анализ грядущего, но и валюативное суждение о том, необходимо ли готовиться к тому, что произойдёт, должна иметь в виду, что всё произошедшее фактически уже присутствует в образах культуры. Вопросом становится только его реактуализация, выделение из потока, что также является преимущественно «философским» размышлением, частью новой методологии, хотя реализация задуманного происходит в рамках медиаменеджмента и политических практик.

Конец воображения не означает конца социально-философской футурологии, на самом деле этот «конец» знаменует собой формирование новых перспектив в чётко очерченных границах. Во-первых, социально-философским футурологам больше не нужно изобретать «логическую неизбежность» грядущего, для того чтобы доказать свою правоту: всё уже давно изобретено и упаковано в культуре. Меняется сама задача. Во-вторых, усталость от избытка образности не может парализовать действие гражданина тогда, когда дело идёт о его собственной выгоде: культура потребляет нас, но в своём предельном изводе мы *создали* её именно для этого и всё ещё способны реформатировать её. На крайний случай, мы выберем в качестве предмета потребления другой продукт, к примеру философский нарратив. Рамка дискуссии о будущем задана и сформирована. На сегодняшний день она свободнее, чем когда бы то ни было. Пусть людей больше не будоражат образы летающих автомобилей или космических полётов (они видели это в кинотеатре, а многие даже переживали этот опыт в виртуальном пространстве компьютерных игр), но это избавляет футуролога от опасности ошибиться в частностях, что, как правило, подрывает доверие к его теории в целом.

Ошибки в *конкретике* предсказания вредят всей теории, учитывая перформативно-риторическую стратегию реализации социальной философии. Достаточно привести в пример мысль американского футуролога Элвина Тоффлера, который выбрал в качестве пути предсказаний перечисление всего, что только можно себе придумать, но также предлагал и

краткие логические обоснования. Мы вернёмся к более подробному рассмотрению его мысли в третьей части статьи, но пока зафиксируем, что подавляющее большинство тоффлеровских альтернатив оказались далеки от того, чтобы стать правдой, а сама книга сегодня многими воспринимается как устаревшая. В качестве производителя образов социально-философская футурология устарела ещё в 1980-е гг. и не имеет абсолютно никаких перспектив сегодня: конкурировать с профессиональными художниками, программистами, режиссёрами или просто привлекательными людьми в социальных сетях философам не под силу хотя бы потому, что это было бы растворением в чужой предметной области. Деконструкция и логический анализ [25, р. 56] остаются единственным работающим оружием социально-философской футурологии.

Социально-философская футурология *a priori* является частью практической философии. Более того, её можно понимать и как прикладное средство анализа. Аргумент от «конца воображения» в постмодернистской культуре накладывает ограничения на риторическую силу нарратива философской мысли о будущем, но одновременно это исчезновение новизны задаёт общее поле мышления. Социальная апатия не становится препятствием в рамках реализации любых мер, потому что для их начала, по сути, ничего уже не нужно: культура через тиражирование образов научной фантастики подготовила почву для любых фантастических проектов. «Конец воображения» – это данность проективного представления о будущем. Он выступает пределом риторической и практической стратегии социально-философской футурологии в рамках актуальной культуры, но также позволяет ей не растворяться в чужих предметностях и акцентировать внимание на качестве своего метода: логическом анализе и мысленном эксперименте, обращённом непосредственно к опыту человека.

Негативные практики социально-философской футурологии и философия истории

Выше мы продемонстрировали, что часто социально-философская футурология представляет собой продолжение наиболее значимых тенденций настоящего в будущее, с целью того, чтобы создать картину грядущего порядка. При помощи своей методологии, которая позволяет философии не растворяться в предметных областях других наук или феноменов культуры, мыслители могут вычленивать из потока современности то, что представляется важным именно им. Пожалуй, наиболее простым примером логики мышления в этой парадигме будет философия истории марксизма: социально-экономические тенденции становления и развития промышленного капитализма с необходимостью приведут к нарастанию классовых противоречий, результатом которого станет революционное преобразование действительности [21, р. 86–88]. История марксистской мысли – пример, одновременно воодушевляющий и отрезвляющий для социально-философской футурологии.

Наш тезис состоит в том, что в рамках предельного понимания самой дисциплины опыт марксистской философии истории должен быть осмыслен в позитивном и негативном ключах. Первое, что необходимо отметить, это утопическое влияние мысли на умы, её перформативная природа [30, р. 309]. Вне анализа Маркса сама революция невозможна, хотя она логически неизбежна. Подобный парадокс возникает всякий раз, когда для анализа социальной реальности мы вынуждены прибегать к методам, которые черпают свой исток из естественно-научного познания. Экономика по мере своего развития, а также развития своих математических методов моделирования, всё больше претендует на этот статус [26, р. 211, 217]. Одним из объяснений реколонизации естественно-научным социальным может служить единый исток эпистемологического мышления, но в качестве практического осмысления роли и пределов социально-философской футурологии мы вынуждены отложить рассмотрение этого вопроса.

Философия истории крайне сложная область для того, чтобы дать ей обобщающие характеристики, но тем не менее мы должны вступить на эту зыбкую почву. В рамках определённого понимания реальности – будь в его основе трансцендентальные или, напротив, психолого-эмпирические основания – философы истории говорят о том, что произойдёт, и какова наша оценка этих (не)событий. Формальным адресатом их обращения могут служить организации, правительства, люди. Но в рамках рассмотрения конкретных успешных и мощных *глобальных* традиций философии истории мы вынуждены редуцировать этот опыт до конкретного человека. В христианской или марксистской философии истории конечный адресат риторики – это грешник и пролетарий/буржуа соответственно. Мы сознательно выносим за скобки всё многообразие *национальных* философий истории [24, р. 76], поскольку для опытов мышления социально-философской футурологии они будут менее релевантными, что станет ясно из дальнейшего изложения.

Мы полагаем, что соблазн превратить социально-философскую футурологию в философию истории для многих слишком велик, чтобы его избежать. Социальная мысль в границах философии может иметь неограниченный масштаб, что выгодно отличает её от теоретической социологии, но это преимущество в свободе мысли не всегда означает справедливость выводов и предлагаемых гипотез. Иными словами, методы философии истории не должны быть напрямую перенесены в область социально-философской футурологии. Не каждый собственный методологический инструментарий философии пригоден для мышления о будущем. Мы предлагаем обозначить наборы методов, которые могут быть использованы для представления будущего, как синтетические и аналитические. Под первыми будут пониматься те, в результате которых могут родиться утопии. В их основе лежит эмпирически не фальсифицируемое представление о чём-то, что может определять социаль-

ную реальность. Под вторыми мы будем понимать те, которые заимствуют эмпирический материал для своего анализа из конкретных дисциплин (преимущественно экономики, социологии, эмпирической истории, социальной географии, климатологии и проч.), но в рамках осмысления данных: а) прибегают к логическому анализу ценностных положений, деконструкции нарратива исследования, б) переносят выводы из одной конкретной предметной области на всю материю социального. Строго говоря, многие учёные уже давно делают что-то подобное сами (см.: [16]), но в таком случае они вступают на территорию философии.

Попробуем на материале истории социально-философской футурологии продемонстрировать, что именно мы подразумеваем под вычлениением общей логики того, что реально произойдёт. В своей впечатляющей книге «Шок будущего» Элвин Тоффлер представил философскую переработку всех существовавших на тот момент нарративов беспокойства в околонучной прессе: «Она (книга – *Н.А.*) придала форму и сформировала направление исследований футуристики и выступила в качестве катализатора для многих других» [18, р. 3]. Его работа во многом была реакцией даже не на реальные изменения, имевшие место в обществе, но на их отражение в культуре. Тревога в обществе создаётся не тогда, когда закрывают твоё любимое кафе около дома, но когда журналисты или социологи с экранов телевизоров или со страниц журналов интерпретируют это в духе «всё твёрдое растворяется в воздухе» [2, с. 18]. Тоффлер сам не был учёным, исследующим, к примеру, экологию или экономику шеринговых практик, но охотно прибегал к использованию этих феноменов для построения своих размышлений. Американскому футурологу удалось избежать соблазна впасть в философию истории. В рамках гипотезы предположим, что, учитывая консервативно-центристские взгляды Тоффлера, это был бы своего рода апокалиптизм, поскольку привычный и любимый им мир Америки среднего класса рушился на глазах под натиском культуры потребления.

Правда в том, что большая часть предсказаний Тоффлера не сбылась. Логично поставить вопрос: имеет ли вообще смысл такая «ковровая» социально-философская футурология? Книга Тоффлера стала популярной и вдохнула жизнь в целое движение, придав ему наукообразный вид [18, р. 1, 16], но создание какой-то области, где реализовывали бы свои амбиции философы и теоретики, не обязательно означает, что их деятельность будет оказывать благотворное воздействие на общество и науку. Несмотря на обилие промахов и неудач, книга Тоффлера ценна именно своей методологией. С высоты сегодняшнего дня мы можем с уверенностью утверждать, что американскому исследователю удалось наметить несколько важных ходов.

Во-первых, приковывает внимание мысль, что «... в действительности только преувеличение оказывается верным» [15, с. 35]. Парадоксальная для эмпирических наук и даже социологии, она многое говорит о

том, что философские методы социально-философской футурологии качественно от них отличаются. Говоря проще, ни один уважающий себя социолог или экономист не позволил бы себе сознательно преувеличивать. Напротив, большинство кажущихся провокационными тезисов сопровождаются историческим экскурсом в качестве инструмента легитимации околофилософского размышления. К примеру, французский экономист Тома Пикетти посвятил целую книгу историческому анализу неравенства [28, р. 87], чтобы легитимировать и так достаточно убедительные выводы, представленные им ранее на материале современных исследований. Во-вторых, сбывшимися оказываются те прогнозы (развитие экономики совместного пользования, виртуализация и диджитализация, утрата исторического мышления, депрессия как социальный феномен и др.), которые имеют в своей основе экономическую логику. Марксизм применим для социально-философской футурологии не как философия истории, но как способ понимания культурной логики капитализма.

Для социально-философского теоретика это означает в первую очередь то, что методы философии применимы для мышления о будущем, однако среди них следует предпочитать те, которые подходят к нему с формально-логических точек зрения, не привнося в рассуждение гипотезы, порождённые апелляциями к трансцендентным сущностям. Возможно, философа-теоретика это разочарует, но риски выставить себя и философию не в лучшем свете перевешивают любовь к чистой теории. Это позитивный предел социально-философской футурологии, но из него же следует, что есть и важнейшее ограничение: конкретика мышления. Поясним, что мы имеем в виду. Если в анализе будущего мы опираемся на тенденции настоящего и аналитическую методологию, то производство конкретной образности только мешает делу. «Конец воображения», равно как и «конец истории», сильно меняют этот модус мышления: гораздо эффективнее использовать наборы тех образов, которые уже порождены массовой культурой. Для публики их существование потенциально возможно, ведь многообразие не упраздняет реальности, а изобилие позволяет предположить, что некоторые варианты всё же реализуемы. Акцент следует делать на социальных последствиях изменений, но не на самих изменениях. В основе последних лежит логика капиталистического производства как наиболее доступная для анализа. Те из идей Тоффлера, которые принимали в расчёт в первую очередь её, оказались более живучими, чем образы летающих автомобилей и ферм по производству насекомых для питания. Последний тезис сознательно провокационен, поскольку в том или ином виде *и* это начинает сбываться, но на протяжении нескольких десятков лет эти несбывшиеся грёзы вызывали лишь фрустрацию и недовольство.

Заключение

В нашем анализе мы стремились показать, как может функционировать социально-философская футурология в границах социальной теории и практической философии. Область исследований будущего всегда будет притягательной, поскольку в её основе лежат практически-прикладные потребности, но формы её существования требуют критического комментария в зависимости от наличных условий. В качестве способа производства «фантастического» нарратива социально-философская футурология не имеет перспектив, так как в таком случае она растворяется в философиях родительного падежа и чуждых для себя предметностей. Вдобавок не каждый философ может конкурировать с талантливыми деятелями культуры, в совершенстве владеющими актуальными техническими способами производства визуальных образов. Тем не менее факт противоречивого существования социально-философской футурологии следует оценивать положительно: более лёгкий, чем это принято в науках об обществе, модус мышления служит дополнением и украшением серьёзной теории и сложных практик.

В рамках реализации риторических стратегий дисциплины требуется критика принятой методологии. Мы показали, что социально-философская футурология перформативна, а крайними полюсами её образности будущего являются утопия и логически необходимый – как риторическая стратегия и побуждение к действию – апокалипсис. Оба образа такого мышления с необходимостью философские и содержат в себе валюативные суждения [10], имеют этическую окраску. Вынужденная обращаться к фактологии других наук и предметностей, рассматриваемая нами дисциплина не утрачивает своего философского основания. Напротив, многие конкретные науки также содержат в себе философское измерение мышления о будущем. В таком случае социально-философская футурология эксплицирует эту философскую компоненту и предлагает свой строгий анализ, становясь частью методологии конкретных дисциплин.

Мы продемонстрировали, что основания собственного строгого метода в социально-философской футурологии – это логический анализ, валюативная оценка тенденций развития, конструирование этически-приемлемых образов будущего, социальная оценка происходящих изменений и предлагаемых проектов. Проблемы у дисциплины начинаются тогда, когда она выходит за рамки этого практически-философского и этического поля, а именно: начинает рисовать конкретные картины будущего. Это допустимо, однако следует отдавать себе отчёт, что исток подобного конструирования должна быть не фантазия, но социальный анализ глобальной системы и её логики. В случае с современностью, таковым является капитализм и его культурная логика, философское рассмотрение которых позволяет действительно подготовиться к грядущему без всяких оговорок. Под последним мы имеем в виду экзи-

стенциальный уровень субъекта, на плечи которого ложится необходимость переживать будущее во всей его полноте. Социально-философская футурология – это парадоксальная область, на первый взгляд дающая свободу мышления, но на практике тяготеющая к формальному анализу конкретного эмпирического материала. Это интеллектуальная фантастика и одновременно только её видимость, где от фантастики остаётся только «когнитивное острание» [31].

Список литературы

1. Арендт Х. О насилии / пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
2. Берман М. Всё твёрдое растворяется в воздухе. Опыт модерности. М.: Горизонталь, 2020. 486 с.
3. Гилёва А., Тимофеева О. Антитела как духи, магический круг со смартфоном и коллективное ОКР. Интервью с философом Оксаной Тимофеевой о том, как мы адаптируемся к пандемии // НОЖ. 7 сентября 2021. URL: <https://knife.media/timofeeva/> (дата обращения: 12.10.21).
4. Гринбаум А. Предисловие // Дюпюи Ж.-П. Малая метафизика цунами. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 5–16.
5. Дюпюи Ж.-П. Знак священного / пер. с франц. А. Захаревич. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 272 с.
6. Дюпюи Ж.-П. Малая метафизика цунами. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 168 с.
7. Йордхам Х. Множественное время и стратиграфии истории // Логос. 2021. Т. 31, № 4. С. 95–118.
8. Морозов А.В. Материалы к нефилософии природы как введение в изучение этой утопии // Логос. 2020. Т. 30, № 5. С. 79–102.
9. Павлов А.В. Будущее как предмет социальной теории // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 3. С. 328–344.
10. Павлов А.В. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 149–172.
11. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 560 с.
12. Павлов А.В. Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 25–36.
13. Пружинин Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Этос науки на рубеже веков. Вып. 11. М., 2005. С. 109–120.
14. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. «Назад к Аристотелю»: достоинство знания как проблема эпистемологии // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 18–26.
15. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 572 с.
16. Харари Ю. Н. Номо Деус. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
17. Шохин В.К. Философии родительного падежа и междисциплинарные исследования: возвращение к дискуссии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXVI, № 4. С. 53–62.

18. Bell W. An Introduction to Futuristics: Assumptions, Theories, Methods, and Research Topics // *Social and Economic Studies*. 1983. V. 32, № 2. P. 1–64.
19. Grousin R. *Premediation: Affect and Mediality after 9/11*. London: Palgrave Macmillan, 2010. 196 p.
20. Jacoby R. *The End of Utopia: Politics and Culture in an Age of Apathy*. N.Y.: Basic Books, 2000. 264 p.
21. Kamenka E. Marxism and the Philosophy of History // *History and Theory*. 1965. V 5, № 5. P. 83–104.
22. Kebede A. John Rawls and Jean-Francois Lyotard on Pluralism: Themes of Convergence and Divergence // *Social Thought & Research*. V. 25, № 1/2. P. 111–141.
23. Lynch M. Pictures or Nothing? Visual Construals in Social Theory // *Sociological Theory*. 1991. V. 9, № 1. P. 1–21.
24. Mandelbaum M. Can There Be a Philosophy of History? // *The American Scholar*. 1939–1940. V. 9, № 1. P. 74–84.
25. Meillassoux Q. *The Number and the Siren: A Decipherment of Mallarmé's «Coup de dés»*. Cambridge: Urbanomic/Sequence Press, 2012. 306 p.
26. Nelson J. Is Economics a Natural Science? // *Social Research*. 2004. V. 71, № 2. P. 211–222.
27. Persson I. The Fundamental Problem of Philosophy: Its Point // *Journal of Practical Ethics*. 2018. V. 6, № 1. P. 52–68.
28. Piketty T. *Capital et idéologie*. Paris: Seuil, 2019. 1180 p.
29. Scott G. Social Science and Value Judgments // *The Canadian Journal of Economics*. 1977. V. 10, № 4. P. 529–546.
30. Seery J. Deviations: On the Difference between Marx and Marxist Theories // *History of Political Thought*. 1988. V. 9, № 2. P. 303–325.
31. Suvin D. On the Poetics of the Science Fiction Genre // *College English*. 1972. V. 34, № 3. P. 372–382.

METHODOLOGICAL LIMITS OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL FUTUROLOGY: EXPERIENCE, THOUGHT EXPERIMENT AND RHETORIC

N.B. Afanasov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article makes an attempt to critically analyze the methodological basis of social-philosophical futurology. The author argues that the ways of philosophical thinking about the future became common not only in contemporary culture but also colonized social and cultural theories. The futurology obsession was an answer to the growth of the speed of changes and the fragmentation of the grand narratives. Social-philosophical futurology replaced philosophy of history and competed with utopia dimension of classical ideologies. Eventually the appellation to the future de facto becomes a part of thinking about the present, the always-present continuation of the scientific data analysis. The author proposes to find the limits of its methodological borders, that would distinguish it from other scientific and cultural spheres, in which it tends to dissolve. The latter became not just a problem for philosophy but also for concrete disciplines (eco-

nomics, sociology etc.). The article shows that in the basis of social-philosophical futurology have to exist unique methods born inside philosophical tradition: logical analysis, thought experiment, performative critique of rhetoric and ethical (value) evaluation of the present. The main risks are, however, temptations to treat empirical data freely and to produce fantastic narratives. Among other things the author specifies the ways of social-philosophical functioning in the borders of contemporary cultural logic of capitalism and points out the most effective strategy to deal with it. The latter is understood as social-philosophical analysis of actually existing capitalist system.

Keywords: *social philosophy, practical philosophy, applied philosophy, social-philosophical futurology, future, utopia, apocalyptic, capitalism.*

Об авторе:

АФАНАСОВ Николай Борисович – младший научный сотрудник, сектор социальной философии, ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва.
E-mail: n.afanasov@gmail.com

Author information:

AFANASOV Nikolai Borisovich – Junior Researcher, Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: n.afanasov@gmail.com